

болѣзненные аппетиты именно данныхъ личностей, художника Памятова и критика Мартова, написаны или списаны авторомъ вѣрно. Но вѣдь, чтобы быть „известнымъ художникомъ“ и „нашимъ известнымъ критикомъ“, для этого нужно еще что-нибудь, кромѣ физиологіи. Слѣдовательно, и при означенномъ предположеніи портреты г. Дѣдова являются фальшивыми, произвольно сконструированными.

Что касается описательной манеры г. Дѣдова, то въ ней замѣчается все менѣе и менѣе самостоятельности. Въ ней чувствуется явное подражаніе манерѣ г. Боборыкина, съ тою разницей, что копія бываетъ всегда мертвеннѣе оригинала. Возьмемъ, наприимѣръ, слѣдующія строки изъ множества подобныхъ у г. Дѣдова: „Худой продолжалъ говорить басомъ по басъ этотъ звучалъ уже не хрилотой, а убѣдительною глубиною; жесты его стали энергичны, хотя, двигаясь, онъ и напоминалъ собою низзяги сгибаемаго и расширяемаго складнаго аршина. Теноръ полного—тоже прочистился и сталъ не только приятенъ, но вкрадчивъ, а иной разъ просто кротокъ и любящъ. Жесты полного не напоминали складнаго аршина; они напоминали скорѣе что-то балетное, или что-то придворное, или гостинное,—вообще были округленные. Чѣмъ больше полный пилъ, тѣмъ становился онъ кротче и изящнѣе. Глаза худого, когда онъ говорилъ, загорались и горѣли въ глубинѣ своихъ впадинъ. Близорукіе глаза полного имѣли мало огня и мало выраженія; они имѣли одно замѣтное свойство: то слегка скашиваться, то раскашиваться. За то у полного лицо играло какъ у актера, а голосъ—какъ у пѣвца, тогда какъ худой не владелъ ни лицомъ, ни голосомъ: только глаза у него горѣли“... Лицо актера... голосъ пѣвца... жесты аршина... чего тутъ нѣтъ! какая погоня за антекварскою точностью въ этомъ: „что-то балетное, что-то придворное, что-то гостинное—вообще округленное“. Подумаешь, сколько хлопотъ, заботъ—и изъ-за чего? Читатель черезъ три строки уже забылъ, у кого глаза съ раскосомъ, у кого басъ или теноръ, да и къ концу очерка, хоть убей, не скажешь, который герой былъ полный, который худъ. Нѣтъ, нѣтъ, не въ этомъ заключается мастерство художника!

Русскій Вѣстникъ и Русское Обозрѣніе, январь. Долго, долго, многіе годы, существовалъ у насъ одинъ *Русскій Вѣстникъ*, — журналъ *единственный* въ своемъ родѣ, какъ онъ самъ не безъ гордости иной разъ рекомендовалъ себя читателямъ. Но вдругъ, съ начала нынѣшняго года, неизвестно почему, произошелъ неожиданный феноменъ: нашъ „единственный“ журналъ народился съ новымъ родомъ не въ одиночку, какъ прежде, а въ двойномъ видѣ. Явилось два *Русскихъ Вѣстника*, изъ которыхъ одинъ, старинный, остался при прежнемъ наименованіи и при прежней квартирѣ въ Петербургѣ; двойникъ же его назвался *Русскимъ Обозрѣніемъ* и сталъ выходить въ Москвѣ. Естественно, что читатели, по крайней мѣрѣ, въ первое время, стали вступать отъ такого неожиданнаго *embarras de richesse*. Въ самомъ дѣлѣ, къ кому теперь приурочить свои симпатіи въ томъ случаѣ, если не располагаешь двойнымъ противъ прежняго количествомъ вещественныхъ знаменъ невещественныхъ отношеній, и не можешь, слѣдовательно, вдвойнѣ наслаждаться русско-вѣстнической литературой? Какъ сдѣлать выборъ? *Русскій Вѣстникъ*, какъ вѣдомо, покоится на трехъ китахъ: гг. Орловскомъ, Фетѣ и Вс. Крестовскомъ, — и *Русское Обозрѣніе* покоится на тѣхъ же трехъ китахъ: и тамъ *Воспоминанія* г. Фета, и тутъ *Воспоминанія* г. Фета; тамъ Страховъ, Леонтьевъ, Головинъ..., и тутъ всѣ тѣ же лица съ прибавкой и иныхъ, боль-

шихъ и малыхъ, величинъ стараго *Русскаго Вѣстника*. Далѣе. Сличеніе „руководящихъ“ отдѣловъ по вопросамъ внутренней и внѣшней политики въ двухъ вышедшихъ январскихъ книгахъ названныхъ журналовъ окончательно подтверждаетъ и тѣсную духовную связь ихъ другъ съ другомъ. Даже отъ самаго названія этого отдѣла въ *Русскомъ Обзорнѣи*—„Современная Лѣтопись“—вѣтъ старинными боевыми традиціями *Русскаго Вѣстника* 60-хъ гг. Но не можетъ же быть, чтобы въ новомъ журналѣ не было чего-либо особеннаго, только ему принадлежащаго? Всякое новое явленіе, уже потому, что оно новое, т.-е. родилось въ нѣсколько измѣнившихся условіяхъ, не можетъ цѣлкомъ походить на прѣжее и получаетъ хоть какія-нибудь особенныя черты. Да, дѣйствительно, условія нынѣ иныя, даже сравнительно съ очень недавнимъ временемъ, и, благодаря этому, новый охранительный органъ является съ нѣкимъ прилаткомъ, котораго не имѣетъ его старшій братъ. „Смѣшались пашки“, смѣшались понятія о литературномъ поведеніи писателя, усилилось литературное волгижерство и за однимъ столомъ благодушно транезуютъ люди, которые еще вчера не кланялись другъ другу.

Еще вчера, даже жрецы безпринципнаго писанія, какъ гг. Ясинскій и Чеховъ, имена которыхъ* прохаживались въ спискахъ сотрудниковъ всевозможныхъ російскихъ изданій, даже они не появлялись въ проспектахъ *Русскаго Вѣстника* и ему подобныхъ изданій. Была, значить, до сихъ поръ невидимая демаркаціонная линія между литературою общей и специально-охранительной. Эту линію соблюдали одинаково съ обѣихъ сторонъ, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями внѣшняго характера. Сегодня эта линія пройдена не только жрецами „искусства“ (это бы еще не такъ удивительно), но и нѣкоторыми публицистами, которые нынѣ мирно и общими усиліями будутъ споспѣшествовать процвѣтанію новаго *Русскаго Обзорнѣи*. Или неужто гг. Страховъ и Вл. Соловьевъ будутъ продолжать свою полемику о націонализмѣ, сидя рядышкомъ, на страницахъ одного и того же журнала?

Вотъ это-то появленіе нѣсколькихъ новыхъ лицъ въ компактномъ созвѣздіи сотрудниковъ *Русскаго Вѣстника*, основавшихъ новый органъ, и составляетъ особенность *Русскаго Обзорнѣи*. Этотъ журналъ, такимъ образомъ, долженъ быть разсматриваемъ какъ мостокъ, переброшенный для всѣхъ тѣхъ, кто не прочь, съ сохраненіемъ аппарасовъ, отдѣлаться отъ „старомодныхъ“ традицій въ литературѣ, ставившихъ извѣстную черту, за которой никакіе алліансы, ни художественныя, ни научныя, ни внутренніе, ни внѣшніе, съ обѣихъ сторонъ не считались возможными. Со стороны русско-вѣстнической литературы весьма понятно желаніе обновиться, допустить въ себя новые соки, ничѣмъ своимъ не постыжаясь, какъ это видно изъ первой же книжки новаго журнала. Это въ порядкѣ вещей для всѣхъ слишкомъ закупоренныхъ помѣщеній и даже недурной расчетъ съ ихъ стороны; хотя позволительно сомнѣваться, будутъ ли читать въ *Русскомъ Обзорнѣи* гг. Стерна, Орловскаго, Ключниковъ и проч.—тѣ, кто не читалъ ихъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Но какова будетъ роль „новыхъ коллегъ“ этихъ господъ, что дадутъ они читателямъ журнала?

Объявляя о своемъ рожденіи, *Русское Обзорнѣе* мотивировало этотъ шагъ загнанностью, будто бы, у насъ художественныхъ и научныхъ произведеній, которыя „выбираются не по ихъ собственному значенію, а по отношенію, какое имѣютъ политическіе взгляды ихъ авторовъ къ мнѣніямъ редакцій“. Признавая за наукой и искусствомъ самодовлѣ-

* См. объ этомъ въ письмѣ Чехова къ В. М. Лаврову отъ 10 апр. 1890 г.: „На критику обыкновенно не отвѣтаютъ, но въ данномъ случаѣ роль можетъ быть та о критикѣ, а не о клеветѣ...“ и т. д.

ющее значеніе, независимое отъ человѣческой жизни и интересовъ, журналъ общаетъ помѣщать произведенія писателей всѣхъ направленій, „лишь бы произведенія удовлетворяли требованіямъ художественной правды и научнаго мышленія“. Прекрасно. Но позволительно спросить: „а судьи кто?“—особенно по части свободной научной мысли. Во всякомъ случаѣ, это—предложеніе алліанса лишь на почвѣ безразличнаго художества и самодовольщей науки. Въ вопросахъ же общественной и государственной жизни алліанса не предлагается.

Но насколько вѣрно первое утвержденіе, будто литературныя и научныя произведенія, если они не окрашены политической окраской, не находятъ себѣ нигдѣ пріюта въ русской журналистикѣ? О невѣрности этого заявленія по поводу статей научнаго характера даже и говорить нечего. Что же касается беллетристики, то мы, папримѣръ, только что толковали о разсказѣ, помѣщенномъ въ *Вѣстникъ Европы*,—разсказѣ, совершенно невнимомъ въ какихъ бы то ни было привычкахъ и тенденціяхъ политическихъ. Обращаясь, съ другой стороны, къ разсказу *Божья воля*, напечатанному въ январской книгѣ *Русскаго Обозрѣнія* и принадлежащему перу извѣстнаго *Кота-Мурлыки*, находимъ, что подобнаго рода произведенія автора уже не разъ встрѣчались въ нашей печати. Вся разница въ томъ, что тамъ спиритическая тенденція автора скрывалась въ общемъ строѣ разсказа, въ мистическомъ тонѣ его, а здѣсь она выступаетъ прямо, въ одной изъ сценъ, гдѣ является духъ умершей героини разсказа и „явственно“ произноситъ слова: „Божья воля“. И вотъ только изъ-за этой сцены *Коту-Мурлыкѣ* понадобился „пріютъ“ *Русскаго Обозрѣнія*? Но, вѣдь, кромѣ *Кота-Мурлыки*, есть еще профессоръ Вагнеръ, которому, надо думать, столь же, если не болѣе, дороги многіе живые вопросы нашей современности, какъ *Коту-Мурлыкѣ* дороги его мертвецы, духи и загробныя рѣчи.

Такіе животрепещущіе вопросы, волнующіе общество, трактуются въ первой же книгѣ новаго журнала, и трактуются съ такой точкой зрѣнія, по которой не трудно видѣть, какія воззрѣнія думаетъ распространять *Русское Обозрѣніе* и въ чемъ молчаливо взялись ему содѣйствовать „новые коллеги“; вѣдь, тутъ нѣтъ ни одной статьи, противоположной по духу тѣмъ, въ которыхъ развивается точка зрѣнія журнала на наши внутренніе вопросы....

Обращаясь къ остальнымъ отдѣламъ *Русскаго Обозрѣнія*, находимъ, что на этотъ разъ *Воспоминанія* г. Фета представляютъ не малый интересъ. Авторъ сохранилъ для новаго журнала все самое интересное изъ своихъ „воспоминаній“, а именно рядъ писемъ къ нему Вас. Боткина, Тургенева и гр. Л. Толстаго. Онъ ихъ печатаетъ цѣлкомъ, изрѣдка пересылая собственными коротенькими *entrefilets*, не имѣющими болѣею частью ни малѣйшаго отношенія къ перепискѣ.

Письма нашихъ знаменитыхъ писателей къ г. Фету относятся къ началу 60-хъ гг. Въ нихъ очень рельефно выступаютъ характеры Тургенева и гр. Толстаго, во всей ихъ внутренней противоположности другъ другу, такъ что письма могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для будущихъ біографій обоихъ писателей. Тургеневъ является здѣсь во всей прелесть своего добродушнаго, нѣсколько вспыльчиваго, но мягкаго темперамента, съ сильнымъ отпечаткомъ изнѣженнаго эпикурейства богатаго русскаго помѣщика. Письма его нерѣдко запечатлѣны поэзіей, вскрицающейся незлобивымъ остроуміемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ много прямоты, соединенной, однако, съ терпимостью и признаніемъ чужихъ достоинствъ. Это замѣтно во всѣхъ мѣстахъ его писемъ,

относящихся къ стѣдній относіи шенію къ поке черствостью, с вистью. Систем часть каждое формальнаго р эту мелкую вст его даже до сс давшихся сужд его отнвив о / рянскаго тивде художникъ и о ихъ, положеніе чемъ, это всег ка... Вообще, нимъ умомъ и н постя даже до тельныхъ пріем кому не написа имитъ не будс

Что касаетс кументами, то миваніе“ его о ющамъ образо у Тургенева и етъ: „Восшедш возникшихъ ф сожительствѣ и причемъ кажды читать его кни

„— Ну, а своимъ кисло с

„— Дѣтей Странно! Ка мы разсмотримъ біографію Салт ля по поводу г лѣ фурлеризма, лекое отъ расх великій мыслит кладвая часть ною и остается

Словомъ, Са помппаній“ о в кой отповѣди, в *деревни*, написа по поводу волинол

Относительн только, что все нечный еврейск скія впечатлѣнн пающія статьи